

Итанесиэс

Последнее упоминание о стране Итанесиэс можно встретить в старинном "Азбуковнике", относимом к XIV – XV векам. "Страна Итанесиэс, – отмечает "Азбуковник", – за полунощным морем; заселена большеухими; малотелы, но уши их столь огромны, что могут жить, заворачиваясь в ухо, как в одежную ткань".

Этим "Азбуковник" кончает. А я начинаю.

Слово "Итанесиэс" филологи производят от Италонекос, что, с одной стороны, указывает на племена италов, с другой – связывает судьбу этого народа с именем египетского царя Некоса (????s), а то и просто с греческим словом ???s, что значит "туча": не впутываясь в излишнюю филологию, можно понять и из намеков, что родина итанесийцев – облачно-влажный, близкий Египту юг.

Итанесийцы, как явствует из "Азбуковника", были существами об одном, но (как говорилось уже) столь огромном ухе, что из-за уха человека не увидеть. Передвигались итанесийцы с трудом: их слабые бескостные ножки путались в длинных мочках, хрящ ушной раковины цеплялся бугристыми выступами за придорожные камни и стебли. Да они и не любили движений: обычно днем большеухие ползуны прятались по глухим пещерам, таились в лесной тиши. Но и здесь птичьи щекоты, щебет и свисты, шум падающих еловых шишек, треск коры, даже шорохи древесного роста мучили и оглушали истонченный слух итанесийца. Прижавшись раструбом уха к земле, неподвижно распластанный, терпеливо дожидался итанесиец беззвучия ночи. И только когда гасли зори, и дни, отшумев, молкли, осторожно отрывался он, сначала краешком, потом наружным завитком, а там и всем ухом от земли и, блаженно запрокинувшись, подставлял звездящемуся небу свою чудесную чуть, вслушиваясь в то, что лишь ему было внятно. И в это время итанесийца, обычно чуткого и пугливого, можно было брать голыми руками: изловленный, он и не сопротивлялся и даже под лезвием, умирая, все еще тянулся вздрагивающим ухом вверх, в звезды.

Юг слишком шумен и криклив для нежного слуха. Как ни прятались итанесийцы в беззвучие, многим пришлось погибнуть от удара о звук: шум дальнего обвала, стук копыта, лязг обода убивали их наповал.

И, снявшись с дальних лесных становий, дивный народец, будто позванный им лишь слышимыми зовами, стал искать безвопльной и бессловной страны, куда не вхожи самые малые звуки шершавой земной коры, где самый воздух – мертв и бездвижен: короче, обетованной ему неведомо кем Страны Итанесиэс.

Трудно исчислить все боли и смерти, ждавшие на пути: итанесийцы продвигались лишь по ночам, среди утишенных шумов, опасливо обползая всякий шелест и шорох, грозящий жизни, вдавливаясь при малейшем звуке ухом в мхи.

Долгие годы длилось скитание несчастного народа: убиваемые качанием ветра, стуком подошв, пересекавших путь, устало волоча по земле свои окровавившиеся рваные ушные мочки, итанесийцы шли и шли, вперед и вперед, ведомые им лишь слышимым зовом. Понемногу шершавые голоса земли делались реже, глуше, разорваннее и отдаленнее: передовые отряды итанесийцев вступали в пустынный, давно обезлюдевший, полунощный край: в полунощном краю лишь тихие лёты снежин, трение туч о воздух да глухое шуршание мшащихся мхов. Только.

И уцелевшие итанесийцы, обессиленные, но счастливые, один за другим запрокидывались на снежный бархат, сладострастно ввивая в завитки поднятых в звезды ушных улиток – дальнюю поступь светил. Первые из достигнувших страны Итанесиэс прибыли сюда вместе с весной, в пору талого льда и блекло-зеленых ростков. За весной – лето. А там вдруг солнце оторвало лучи от земли и бросило страну в полярную ночь и холод. Для итанесийцев настали тяжкие дни: их безволосые махонькие зябкие тельца охватило и стиснуло полярной стужей. Что было делать? Спасаясь от смерти, пришельцы начали заворачиваться в свои уши, пряча обледенелые тельца под гибкий хрящ. И те, у кого хрящ был мягче и дряблее, те, которые до сих пор были презираемы за слабую чуть к гармонии звезд, оказывались лучше приспособленными; другие же, с твердой, звонко резонирующей раковиной, погибали. Стужа ставила дилемму: или, превратив ухо в одежду, перестать слышать, но остаться живым, или, не изменяя древнему дару итанесийской чути, умереть.

Большинство пошло широким путем; но было среди итанесийцев и такие, что не соглашались отдать слышание за жизнь: вскоре их обледенелыми трупиками покрылась ровная снежная гладь полунощной страны. И больше вестей оттуда нет. Лишь легенда о мировой гармонии, покинув мертвую страну